

Андрей Дионисиевич Стопневич.

1879—1919.

Геологический Комитет понес тяжелую потерю в лице скончавшегося 20-го мая 1919 года в полном расцвете сил и деятельности Андрея Дионисиевича Стопневича, так энергично работавшего на поле близкой ему гидрогеологии, так настойчиво развивавшего работы в этой области, как лично для себя, так и для Геологического Комитета. Даже ту смертельную болезнь (оспу), которая так рано вырвала его из наших, и без того сильно поредевших, рядов, он получил, надо думать, на службе той же гидрогеологии,—во время поездки на пасхе в Москву, куда он, по его же настоянию, был командирован для установления более тесной связи между Комитетом и другими научными организациями, занятыми изучением роли воды в природе и в народно-хозяйственной жизни.

Отдавший с первых шагов своей инженерской деятельности работам в области гидрологии, гидрогеологии и гидротехники, А. Д. представляет редкий пример такого научного постоянства, такой научной мономании, если можно так выразиться: буквально вся самостоятельная работа его на протяжении 15 лет прошла под знаком изучения воды в природе. И немудрено, что, так беззаветно отдаваясь одной только этой теме, во всяком случае ее только одну культивируя с любовью и по преимуществу, А. Д. за короткий срок жизни и деятельности в таком культурном центре, как Петроград, куда отовсюду еще недавно стекались самые различные сведения и данные, стал выдающимся

и признанным „всероссийским“ знатоком вопросов, так или иначе связанных с гидрогеологией. Куда бы он ни поехал, какую бы научную командировку ни получил, он непременно уделял много внимания воде, ее работе, хотя бы, по сути задачи, эти вопросы в данное время и не входили непосредственно в круг его интересов. Так было в 1916 году, когда из командировки на Кавказ для изучения юрских углей он привез интересные данные о любопытном соленом источнике в Кубанской области; так было и в 1918 году, когда, изучая бокситы в Тихвинском уезде, он собрал материал по карстовым явлениям в этом районе. Так всегда было и раньше, и гидрогеология, вода, ее роль, ее работа, ее проявление—всегда стояли для А. Д. впереди всего. Ее он изучал пристально и внимательно, тщательно следил за соответственной литературой и подобрал по этому вопросу прекрасную личную библиотеку, ныне целиком поступившую в Геологический Комитет.

Сын педагогов-родителей, преподававших русский язык и словесность в псковских мужской и женской гимназиях, А. Д. Стопневич родился в Пскове 29 января 1879 года и там же в 1897 году окончил классическую гимназию. Сначала, выйдя из среднего учебного заведения, он поступил на естественный разряд физико-математического факультета Спб. Университета, но уже в 1898 г. перешел в Горный Институт, который и окончил по первому разряду в феврале 1907 года.

Еще на студенческой скамье А. Д. имел случай и возможность на практике ознакомиться с сущностью и приемами полевой геологической работы, так как он целое лето 1903 года проработал в качестве коллектора при П. И. Преображенском, экскурсируя по трудным и далеким гольцам Патомского нагорья в Ленском золотоносном районе. Ранний интерес ко всему новому, с одной стороны, а с другой глубокое своеобразие жизни и работы в этой сибирской Калифорнии, все еще ожидающей свсего Брет-Гарта, захватили молодого путешественника, побудив его пристальнее приглядеться к своеобразной жизни и нередко ярким типам

рабочих, в особенности резко выступающим на тех мелких золотых промыслах, которые ему преимущественно пришлось посетить. Эти наблюдения, а также и те общие сведения о положении золотопромышленности, которые А. Д. успел собрать из расспросов и личных заметок, дали темы двум его первым популярно-экономическим статьям, особняком стоящим в общем списке его литературных работ.

И позднее, когда А. Д., как студент-практикант, посетил Олькушские цинковые месторождения, он обнаружил далеко не формальный только интерес к вопросам практической геологии, насколько об этом можно судить по сохранившимся в его дневниках записям.

По окончании Горного Института А. Д. в том же 1907 году получил место гидротехника Самарско-Ставропольской землеустроительной комиссии, вызванной к жизни известным законом 6-го ноября 1906 года о выходе крестьян из общины. Это назначение определило и тон и направление деятельности А. Д. Стопневича на всю жизнь: оно раз навсегда связало его с водою.

Назначенный в глухой Ставрополь-Кавказский, А. Д. целиком ушел в новую для него работу, много учился, много наблюдал. Он изъездил вдоль и поперек свою плоскую, во многих частях безводную Ставропольскую губернию, понял всю важность правильной постановки обводнения населенных пунктов в этой плодородной, удобной для сельского хозяйства, глубоко степной области и еще пристальнее отдался изучению вопросов, связанных с ролью воды. Сначала (1907—1910 г.г.) в качестве гидротехника, а потом (1910—1913 г.г.) в качестве неперменного члена Ставропольского отделения Крестьянского поземельного банка, он попал в самую гущу вопросов, близко касавшихся воды, ирригации, водоснабжения и пр.

Эта служба не только дала А. Д. большое знание гидрогеологии своей губернии, не только познакомила его с весьма важными и нередко жгучими вопросами народного водного хозяйства, она определила, кроме того, его будущие интересы в геологии и выдвинула перед ним одну широкую,

государственного значения тему, которую он не уставал разрабатывать до конца своей жизни. Посвящая много внимания текущим вопросам гидрогеологии края, следя за буровыми на воду работами, довольно широко развернувшимися в губернии, давая списки пройденных буровых скважин, изучая отдельные водоносные горизонты третичных отложений Ставрополья, А. Д. не мог не заметить некоторых отрицательных сторон увлечения получением артезианской воды.

В одном большом селе—Воронцово-Александровском на р. Куме—условия артезианского водоснабжения сложились так благоприятно, скважины были так мелки и стоили так дешево, что редкий из довольно зажиточных крестьян этого крупного и богатого села мог отказать себе в удовольствии, вместо прежнего безводья, иметь свою собственную воду. И вот началось увлечение артезианским бурением, появились десятки скважин, опущенных на один и тот же горизонт, заложенных без всякого расчета о возможности их влияния друг на друга, и вскоре же сказалось истощение потока: скважины в большинстве случаев перестали переливать воду через край, и ее пришлось качать. Этот случай дал А. Д. повод поднять вопрос об охране подземных вод сначала в Ставрополье, а потом и вообще в России; он побудил его самого познакомиться и познакомить других с существующими в чужих странах законодательными мерами в этом отношении, он дал ему материал для ряда статей и докладов на разных съездах и в разных обществах и всё время заставлял его держать вопрос об охране подземных вод в центре своих интересов.

Близко входя в дела Крестьянского банка, к тому времени купившего у ведомства уделов огромное имение, свыше 100.000 десятин, в так называемой Удельной степи, А. Д. не мог не обратить внимания на слабую заселенность этой огромной площади удобной и плодородной земли, не мог не увидеть причины этой пустынности в отсутствии хорошей поверхностной или грунтовой питьевой воды, не мог не предложить устранить это безводье. Хорошо познакоми-

впавшись с местным разрезом третичных пород, глубоко веря в вечные законы движения подземных вод, он выступил с смелым проектом достать воду для этого имения из верхнемеловых известняков. Целый ряд официальных и неофициальных совещаний с членами Геологического Комитета, работающими на Кавказе, выяснил, что глубина скважин будет не менее 350 сажен, но это не остановило А. Д., и он тотчас же, с обычной энергией и настойчивостью, начал проводить в руководящих сферах Крестьянского банка идею о необходимости этого бурения. К весне 1912 года это ему удалось, был заключен контракт с одной харьковской буровой фирмой, и бурение началось. Чтобы лично быть всегда в курсе дела, чтобы самому вести геологические и термометрические наблюдения, А. Д. переехал вглубь ставропольских степей, поселившись в одной из бывших удельных экономий. Буровая фирма оказалась неважной, начались частые поломки инструмента, бурение надолго останавливалось, шло медленно, но А. Д. не отчаивался, хотя и тогда уже появились некоторые опасения, что скважина, даже в случае благоприятного окончания, не даст пресной воды,—слишком мала была геотермическая ступень. Наконец, вначале войны подрядчик, оказавшийся германским подданным, бежал за границу, скважина была заброшена, а затем и совсем остановлена на глубине около 215 саж. Воды она не дала,—толща майкопской глины все время оставалась сухой, но она, во-первых, установила, что в удельной степи мощность этой глины весьма значительна,—больше 250 саж.,—а во-вторых, дала возможность определить в исключительно благоприятных условиях совершенно сухой скважины величину геотермической ступени, оказавшейся необычайно малой для этой области с горизонтально наслоенными третичными отложениями. Анализируя этот замечательный факт, А. Д. остановился на мысли, что величина ступени, около 10,5 м., здесь может быть объяснена только влиянием окклюзированных в глине газов.

Работ по гидрогеологическому изучению губернии, по банку и по буровой было мало для живой и энергичной

натуры А. Д. Стопневича, и он находил время и силы для посторонних занятий. Он, хорошо знакомый с ботаникой—но крайней мере с систематикой растений,—преподавал географию в одной из местных женских гимназий, деятельно работал в пожарной дружине и, разумеется, оказался в первых рядах тех, кто пытался пробудить научную жизнь в глухом и тихом Ставрополе, тогда не имевшем даже земства. При его горячем сочувствии и деятельной помощи возникло там Общество изучения северо-кавказского края, которое вскоре же начало издавать и свои „Труды“. Вначале аккуратно появлявшиеся и интересно составленные, книжки этих „Трудов“ постепенно захирели и, кажется, затем и совсем прекратились с отъездом из Ставрополя наиболее живых и энергичных работников, в ряду которых А. Д. занимал одно из первых мест.

Шесть лет службы и напряженной работы в Ставропольской губернии создали молодому инженеру хорошее имя гидрогеолога и гидротехника, большого знатока гидрогеологических условий предкавказских степей, горячего сторонника широко поставленных и продуманных исследований на воду во всей равнинной России. Литературные работы и многократные выступления с докладами в местных и столичных ученых обществах и на различных съездах (деятели по практической геологии, мелиоративных и др.) сделали его имя известным широкому кругу специалистов и геологов.

Высоко ценя такую преданность избранному делу, отдавая должное знаниям и энергии А. Д. Стопневича, Геологический Комитет, при расширении своих штатов в 1913 г., избрал его своим адъюнктом-геологом, открыв перед ним таким путем неизмеримо более широкие горизонты, чем те, какие ему давал Ставрополь.

Переехав в Петроград, получив доступ к большим библиотекам, А. Д. действительно быстро начал расширять свой кругозор, все шире и шире раздвигая рамки своих интересов в излюбленной им области геологии. И прерываемая порой обще-геологическими поручениями Комитета работа его пошла теперь сразу в нескольких направлениях, совер-

шенно соответствовавших различным сторонам его живой и деятельной натуры: он изучал, учил и систематизировал.

Пользуясь каждым случаем, каждой командировкой, какова бы она ни была по существу своей основной задачи, он много внимания уделял воде, преимущественно подземной ее деятельности, ее роли в жизни человека и в промышленности. Он не пропускал случая уделить время на изучение карста в Иркутской губернии в 1914 году и в Новгородской губернии в 1918 году, не забыл детально ознакомиться с минеральным источником около станции Сторожевой Кубанской области в 1916 г., подробно осмотрел Столыпинские минеральные воды в 1915 г. (вместе с Д. В. Соколовым). Но главное внимание его, как полевого работника, за это время привлекли к себе поволжские оползни, именно симбирские и саратовские, которыми он интересовался до самого последнего времени, и по которым он собрал весьма обширный материал. В особенности его занимали оползни Увека близ Саратова, где он имел случай довольно подробно познакомиться и с геологическими, и с гидрогеологическими условиями во время работы в составе особой комиссии, посланной туда Комитетом.

Но помимо того, его попрежнему привлекали вопросы водоснабжения, и в этой области, благодаря большой энергии, отчасти благодаря некоторым прежним связям, А. Д. вскоре удалось сосредоточить в своих руках обширный материал. Владая этим материалом, постоянно расширяя свои литературные сведения в этом направлении, он вскоре стал одним из крупных знатоков в вопросах равнинно-русской гидрогеологии вообще и водоснабжения в частности. В особенности широко раздвинулись рамки его знаний в этой области, когда ему пришлось на деле столкнуться с вопросами водоснабжения в обширном крае, составлявшем тыл армии Северного фронта в минувшую войну. Действительно, стоя во главе организованной Комитетом гидрогеологической партии на этом фронте с центром деятельности во Пскове, А. Д. мог фактически изучить положение дела водоснабжения населенных пунктов в целом ряде северо-запад-

ных, отчасти даже центральных, губерний. Работая в этом районе, он всюду собирал все относящиеся к интересовавшему его делу материалы и таким путем успел значительно пополнить список зарегистрированных в Геологическом Комитете буровых скважин, сделав тем самым более легким и более обоснованным всякий прогноз в охваченных этим списком местностях.

Лично ему, кроме северо-запада, пришлось за это время принимать участие в решении вопроса о водоснабжении четырех станций в хорошо ему знакомой местности Ставропольской губернии, пересекаемой восточной частью Армавир-Туапсинской железной дороги.

Работами в области гидрогеологии не исчерпываются труды А. Д. Стопневича за шестилетний срок его пребывания в Геологическом Комитете. Он дважды был отвлекаем Комитетом для исполнения чисто геологических поручений: один раз, в 1914 году, для исследований в области палеозоя в Верхотенском уезде Иркутской губернии, а другой, в 1916 году, для изучения юрских буроугольных месторождений в Баталпашинском отделе Кубанской области. Если первая работа прошла почти бесследно в русской геологической литературе, то вторая вместе с одновременной работой И. И. Никшича и В. Н. Робинсона явилась до известной степени „новым словом“ в геологии Кавказа, так как она содержит указания и факты по открытому двумя названными геологами и одновременно с ними также А. Д. Стопневичем и А. Н. Криштофовичем среднему карбону, с пластами каменного угля, длинную полосу вытянувшегося на северном склоне Главного Хребта в пределах Кубанской области.

Необходимо упомянуть о работах А. Д. Стопневича в окрестностях озера Баскунчака, где он, по поручению правления Разанско-Уральской железной дороги, был занят изысканием источников пресной воды для снабжения ею построенной на берегах озера железнодорожной грязелечебницы. Необходимо, наконец, указать на его работы летом 1918 года в Тихвинском уезде Новгородской губернии, связанные с

исследованием уже ранее найденных там бокситов и подобных им глин, обогащенных растворимым глиноземом.

Полевые работы и официальные отчеты далеко не исчерпывают всей деятельности А. Д. Стопчевича; его энергичная натура таила слишком большой запас сил, чтобы удовольствоваться только рамками обязательной работы. Он сразу, с первых дней ее существования, стал одним из деятельнейших членов гидрогеологической секции в Геологическом Комитете, и здесь, помимо удовлетворения поступавших со стороны запросов, он с особым рвением принялся за систематизацию и пополнение имевшегося в Комитете материала по буровым скважинам. Он стремился при этом направить всю работу таким образом, чтобы возможно скорее и возможно полнее выпустить в свет второе издание „Указателя по буровым скважинам“, первое издание которого было подготовлено еще покойным С. Н. Никитиным. Встав в последнее время во главе работ секции, А. Д. предполагал широко развернуть их, пользуясь теми большими возможностями, которые сулило ему предположенное по новому Положению о Комитете учреждение особого гидрогеологического отдела с постоянным штатом и значительным кредитом.

В этом вопросе А. Д. стоял на точке зрения разделения специальностей и настаивал на сосредоточении в Комитете только таких работ по изучению подземных вод, которые связаны непосредственно с явлениями геологического порядка, предполагая все механические исследования передать тому Гидрогеологическому Институту, до открытия которого ему не суждено было дожить. Но, стоя на такой точке зрения, он горячо сочувствовал самой идее такого института и принимал живое участие во всех подготовительных работах, связанных с созданием этого учреждения. Он играл видную роль в выработке программы его деятельности и в разработке проекта его положения, и, нет сомнения, молодое учреждение больно почувствует отсутствие одного из энергичнейших своих работников и горячих сторонников.

Идея гидрологического института выявилась в жизни не сразу, сначала был только Гидрологический отдел Комиссии по изучению производительных сил России, или, короче и привычнее, КЕПС, несколько лет тому назад учрежденный при Академии Наук. Скромный по своим первоначальным задачам и рабочему персоналу, отдел этот, повидимому, ставил своей главной целью составление справочника по артезианским водам России, входящего одним из томов в общую серию „Сборника по ест. произв. силам“. Но постепенно отдел стал расширяться и выделил подотдел белого угля, а одновременно, но совершенно независимо, в той же комиссии возник новый отдел минеральных вод. В этом последнем А. Д. и сосредоточил свою работу по комиссии, не довольствуясь и здесь первоначальными, сравнительно узкими рамками деятельности отдела и постепенно превратив его в отдел по изучению естественных лечебных ресурсов государства, введя в круг интересов отдела не только собственно минеральные воды и озера, но и кумысолечебные заведения и климатические станции. Как конечную цель своей работы, отдел после ряда заседаний выдвинул составление особого справочника по типу германского и австрийского *Väderbücher*, но с расширенной программой.

Привлекши к работам несколько специалистов-геологов, врачей, климатологов и экономистов,—отдел под энергичным руководством А. Д. успел лишь выработать общую программу всего издания, план описания отдельных лечебных местностей, проект химико-генетической классификации минеральных вод и составить по наиболее крупным справочникам и повременным изданиям списки самих лечебных местностей и относящейся к ним литературы, — списки, далеко, впрочем, еще не полные. Описание каждого отдельного лечебного места должно давать возможно полное сопоставление всего цифрового физико-химического материала (дебита, температуры, удельного веса, радиоактивности, химических анализов и проч.) и возможно более полный список относящейся к каждому курорту литературы. Уже

одно стремление именно к такому развитию содержания „Сборника“ само по себе говорит о размерах и продолжительности задуманной А. Д. работы. Сборник должен состоять из четырех томов (1—минеральные источники и озера, 2—климатические станции, 3—кумысолечебные заведения, 4—экономическое положение и нужды курортов) с обширными введениями геологического, физико-химического, климатологического и бальнеологического содержания. Надо глубоко скорбеть, что А. Д. самому не пришлось отдать свои силы этой работе, идея и план которой были так дороги и близки ему.

Стремясь в этом издании пойти на встречу назревшим потребностям больных и врачей, А. Д. считал популяризацию гидрогеологических и гидрологических знаний необходимою вообще, справедливо полагая, что даже не все занятые специалисты и не всегда могут с успехом следить за всеми новостями в этой многоветвистой области знания, в которой так прихотливо переплетаются вопросы чистой теории и отвлеченной науки и жгучие запросы сегодняшнего дня сильно усложнившейся жизни.

Завятый книжник, библиофил и начетчик, он и к этому делу подошел со стороны книги же, задумав, в компании с некоторыми специалистами, издавать „Гидрологический Вестник“, в котором, по его мысли, должны были помещаться рефераты в с е х работ по в с е м отраслям гидрологии. Сначала этот журнал издавался на личные средства А. Д. (1915), а потом субсидировался—и довольно щедро—Гидрометрической Частью Отдела Земельных Улучшений, но просуществовал он только два года, а затем, если не погиб, то замер под тяжкою поступью русских революций. Но и этих двух лет было довольно, чтобы убедиться в той большой пользе, какую мог приносить этот журнал своими рефератами, а девять десятых их, в особенности в первом 1915 году, наверное, написал единолично Андрей Дионисевич,—так велика в нем была жажда работы, так несокрушима энергия и вера в свое дело.

Непрестанно углубляя и расширяя свои знания в области гидрогеологии, систематизируя и популяризируя добытые

сведения, А. Д. всё это находил недостаточным: он был глубоко убежден в том первостепенном значении, какое гидрогеология имеет для России, в особенности для коренной равнинной Великороссии, для ее сельского хозяйства и для ее населения, для ее бесчисленных сел и захудалых городов. Уже давно он начал настойчиво доказывать необходимость устройства специальных кафедр по этой науке в некоторых специальных высших учебных заведениях и прежде всего в Горном Институте. Долго его настойчивые указания вызывали к себе только теоретический интерес, и лишь в учебном сезоне совершенно исключительного для Петрограда 1918 года ему удалось и на практике осуществить свою заветную мечту, сразу открыв курс в двух высших учебных заведениях. С осени он начал читать не обязательный курс по подземным водам на Геолого-разведочном факультете Горного Института и общий курс гидрологии в Географическом Институте. Я не знаю, много ли слушателей привлекли лекции А. Д. Стопневича, — студенты в высших учебных заведениях Петрограда теперь большая редкость, — допускаю даже, что их было немного, так как к концу зимы он к чтению лекций заметно охладел, но не могу не отметить все же одной характерной особенности, именно не могу не указать, что оба курса А. Д. вместе с студентами прослушали и несколько лиц с уже законченным высшим образованием. Вместе с тем эти лекции, как для него самого, так, может быть, и для более широких кругов русского общества, не прошли совсем бесследно: он систематизировал свои знания и—главное—положил их на бумагу в виде „Курса гидрологии“. К большому сожалению, „Курс“ этот, который самим автором рассматривался только как „рукопись“, не закончен, не проредактирован, не проработан окончательно, но все же он—первый русский курс гидрологии, и дело Географического и Гидрологического Институтам озаботиться его окончанием, редакцией и изданием. Начал он писать и специальный курс по подземным водам, но тут дело остановилось на первоначальных набросках отдельных глав, на выработке более или менее подробного плана.

Перечисленных работ, предприятий и планов более чем достаточно для одного человека, обязанного к тому же исполнять разнообразные поручения Геологического Комитета в виде дачи разного рода отзывов и справок, представительства в различных правительственных учреждениях и общественных организациях и участия в бесчисленных в России комиссиях. Вся эта деятельность, проникнутая живой энергией и глубокой верой в ее значение, нашла в предшествующих строках лишь слабое и формальное отражение, которому недостает того порыва, каким были проникнуты слова и дела Стопневича. И вся эта живая работа, еще раз повторяю, так или иначе связана с водой, с ее деятельностью, с ее ролью в жизни человека и государства. Надо ли искать лучший пример сосредоточенности сил и мысли на одном предмете, верности одной идее, красной нитью прошедшей через всю, правда, недолгую жизнь!

Все остальные работы А. Д. Стопневича имели для него только второстепенный интерес, хотя вышли они, в конце концов, все из той же области его занятий водой. Еще живя в Ставрополе и близко интересуясь гидрогеологией Ставрополя, А. Д. должен был столкнуться с вопросом о природных газах, которые как раз около того времени были получены в нескольких буровых скважинах, заложенных в этом городе в надежде получить нефть. Нефти скважины не дали, но доставили дешевое топливо, которым воспользовались город и некоторые частные промышленные предприятия. Изучая условия выхода этого газа, интересуясь его составом и происхождением, А. Д. заинтересовался газами вообще и начал с ними знакомиться. Практически газами ему заниматься не пришлось, но результатом его работы в этом направлении остался весьма полезный библиографический указатель. Позднее он предполагал шире поставить вопрос изучения природных газов в России, создав для этого особый отдел в Комиссии по изучению производительных сил России. Он выработал и написал даже программу деятельности этого отдела, но осуществить свою мысль не успел.

В связи с работами по воде и природным газам стоит и то живое участие, какое А. Д. принимал в недавно созданном в Геологическом Комитете „Бюро учета полезных ископаемых“. Глубоко интересуясь и придавая большое значение всякой систематизации накопленных знаний, А. Д. с первых дней жизни молодого учреждения вошел в его интересы, участвовал в продолжительных дебатах по его организации, по кругу и плану его работ, и когда тип систематизации данных был окончательно установлен, он явился одним из первых сотрудников бюро, представив несколько „характеристик“, т.-е. сжатых описаний каких-либо месторождений с приведением всего фактического и литературного материала, относящегося к каждому данному месторождению. Конечно, „характеристики“ эти касались воды, в данном случае нескольких минеральных источников. Особенно большое участие принимал А. Д., разумеется, в выработке плана регистрации материалов по подземным водам, долженствующей в будущем развиться в крупную, более или менее самостоятельную отрасль работ бюро. Позже, войдя в состав совета бюро, он продолжал деятельно интересоваться его работами, постоянно участвуя в коллегиальном обсуждении текущих вопросов, но не оставляя в то же время и сотрудничества по составлению „характеристик“ этого венца работ бюро.

Та же глубокая вера в необходимость систематизации и популяризации знаний не могла, конечно, не сблизить его еще с одним, частным на этот раз, предприятием, посвященным тому же делу. Я имею в виду несколько лет тому назад возникший журнал „Поверхность и Недра“, в котором А. Д. был не только сотрудником по вопросам гидрогеологии и природных газов, но одним из инициаторов всего предприятия и членом редакционного комитета. В вихре бурных событий последних лет погиб и этот журнал, но ядро главных работников осталось, организовавшись в „Институт Поверхность и Недра“. Эти лица, в число которых входил и А. Д., поставили своею целью изучение различных вопросов, связанных с одной стороны, с

горнопромышленными предприятиями, с другой — с задачами государственного строительства. Институт ведет и библиографические работы, как территориального характера (Туркестан, Север России), так и по определенным специальным вопросам (белый уголь, электрификация железных дорог), идет навстречу всякого рода исследовательским предприятиям, принимает на себя поручения по ознакомлению с каким-либо лежащим в сфере его интересов вопросом в определенном районе, наконец, широко занимается консультативной деятельностью. Все эти задачи не миновали и А. Д.; как завзятый книжник, он принимал участие в составлении библиографии по Северу, в подготовке материалов для нового Географического Словаря, задуманного Русским Географическим Обществом; как геолог, он отдавал свои силы на освещение некоторых вопросов горной промышленности Севера; наконец, он консультировал по вопросам гидрогеологии везде, где это было нужно.

Данный мною бледный очерк жизни и деятельности А. Д. Стопнича будет неполон, если я не подчеркну уже несколько раз мимоходом отмеченной одной характерной черты его.

Это был книжник, который любил книгу, знал в ней толк, умел ее найти, но всё же он не был библиофилом *an und für sich*, он подбирал книгу только интересную для себя и в конце концов составил весьма ценную библиотеку по гидрогеологии, в которой оказалось много такого, чего нет в большой библиотеке Геологического Комитета. А как он скорбел, когда редчайший экземпляр *Mundus subterraneus* А. Кирхнера миновал его рук!

Та же любовь к книге побудила его, и без того заваленного работой, взять на себя еще заботу по приведению в порядок библиотеки Российского Минералогического Общества.

Если предыдущие строки заставят молча склониться в почтении перед этой полной труда и полезной работы жизнью, так нелепо, так рано прерванной слепым случаем в самом расцвете сил и энергии, если они сумеют вызвать скорбное

воспоминание об этом редком труженике, то я сочту свой долг перед памятью моего безвременно погибшего друга исполненным.

А. Герасимов.